

написал же во Флоренцию очень давно... Я был болен, но теперь, кажется, здоров, насколько умею быть здоровым. Только сердце слабо работает... Пишу понемножку и все Еврипида, все Еврипида, ничего кроме Еврипида. Огромную написал статью о сатировской драме ⁴, и теперь 1-й том может хоть завтра идти в печать ⁵. Между тем к издателю, — а таковой нашелся с первого абзуга — я еще не собрался и съездить, больше двух недель, что я ни шагу из дому, — и все полеживаю.

Грустно и совестно мне, что на Ваше такое интересное и богатое красками письмо отвечаю Вам таким скучным, точно «водяная капель»... помните у Достоевского «звонко и мерно падающая с залавка в лохань» ⁶. Такова и моя жизнь... Только еще и ритма у нее нет, как у этой капели. Она идет толчками, как телега под морозящим холодным дождем, среди облетающих деревьев и по скованному морозом чернозему... Толкнуло и ничего... вперед, а куда вперед?... Нет, не буду сегодня вдаваться в картинность... Вчера был у нас Алекс(ей) Григ(орьевич). Знаете Вы, что он в конце этого месяца уезжает в Рим до весны, то есть, сначала проедет в Сорренто, где будет купаться, а потом поселится в вечном городе на всю зиму: обстановку распродает. Уж и не знаю, завидовать ли ему? Ведь может быть, все эти красоты только до тех пор и хороши, пока они праздничные, а будни-то ведь, пожалуй, везде серые. Впрочем, не знаю.

В болезни я перечитал, знаете кого? Морис Барреса... ⁷ И сделалось даже страшно за себя... Давно ли я его читал, а ведь это были уже совсем не те слова, которые я читал еще пять лет тому назад. Что случилось с эготизмом, который меня еще так недавно увлекал? Такой бледный и тусклый стал этот идеал свободного проявления человеческой личности!.. Как будто все дело в том, что захотел, как Бальмонт, сделаться альбатросом, и делайся им...

Не лучше и с методом иезуитов (*uno nomine libri*)... * Какая нелепость! да разве метод, созданный для великой цели, может быть от нее отнят, и быть еще после этого чем-нибудь, кроме насмешки над усилиями влюбленной в него мысли?... Самый стиль М. Барреса стал мне тяжел, как напоминание о прошлых ошибках... и о том, что *сегодня* должно оказаться такой же ошибкой, какой было и *вчера*... Он не цветист, этот язык, но в нем что-то одуряющее и бесформенное, как в запахе белого гелиотропа... Газеты полны теперь воспоминаниями о Чехове, и его оценкой или, точнее, переоценкой. Даже «Мир Божий», уж на что, кажется, Иван Непомнящий из пересыльной тюрьмы, и тот вспоминает... Любите ли Вы Чехова?... О, конечно любите... Его нельзя не любить, но что сказать о времени, которое готово назвать Чехова чуть-что не великим? Я перечел опять Чехова... И неужто же, точно, русской литературе надо было вязнуть в болотах Достоевского и рубить с Толстым вековые деревья, чтобы стать обладательницей этого палисадника... Ах, цветочки!... Ну да, цветочки... А небо? Небо?! Будто Чехов его выдумал. Деткам-то как хорошо играть... песочек, раковинки, ручеечек, бюстик... Сядешь на скамейку — а ведь, действительно, недурно... Что это там вдали?... Гроза!... Ах, как это красиво... Что за артист!... Какая душа!... Тс... только не душа... души нет... выморочная, бедная душа, оципанная маргаритка вместо души... Я чувствую, что больше никогда не примусь за Чехова. Это сухой ум, и он хотел убить в нас Достоевского — я не люблю Чехова и статью о «Трех сестрах», вернее всего, сожгу... ⁸

Господи, и чьим только не был он другом: и Маркса ⁹ и Короленки, и Максима Горького и Щеглова ¹⁰, и Гнедича ¹¹ и Елпатьевского ¹², и актрис, и архиереев, и Батюшкова ¹³... Всем угодила — ласковое теля... И все это теперь об нем чирикает, вспоминает и плачет, а что же Чехов создал?... Где у него хотя бы Гаршинский *палец ноги*?... ¹⁴ Что он любил,

* *uno nomine libri* — букв. — книги с одинаковым названием; здесь: вещи одного толка (лат.).